

Жравствекхая гильотина.

МАРКИЗЪ Поза.. Дайте, Государь, свободу мысли! (бросается къ ногамъ его).

КОРОЛЬ (смущенный, отворачивается, но лѣтъмъ снова устремляетъ взоръ на маркиза)
Странный мечтатель!

(Донъ Карлосъ Шиллера.)

Въ послѣднее время неоднократно указывали на то, что освободительное движеніе, соединившее въ одномъ порывѣ всѣ сознательные элементы русскаго общества противъ самодержавно-бюрократическаго режима, вошло уже въ фазисъ дифференцированія политическихъ мнѣній. Оппозиціонный или революціонный *bloc* начинаетъ расчленяться на группы и фракціи съ особыми, отличными одна отъ другой программами, или *credo*. Но наряду съ этимъ явленіемъ, вполне естественнымъ и законнымъ, приходится съ грустью констатировать, что дифференцированіе мнѣній сопровождается проявленіями нетерпимости, принимающей подчасъ весьма рѣзкія формы. Вчерашніе соратники злобно обрушиваются другъ на друга лишь потому, что они различнаго мнѣнія относительно способовъ наилучшаго осуществленія той конечной цѣли, которая ихъ объединила. Люди, поднявшіе противъ тиранніи знамя свободы, не допускаютъ свободы въ собственныхъ рядахъ, такъ что приходится виндигировать свободу не противъ самодержавнаго абсолютизма или не только противъ него, но и противъ его враговъ.

Какимъ образомъ могла произойти такая прямо чудо-вищная перемѣна ролей? Развѣ тѣ, отъ которыхъ прихо-

дится нынѣ вновь отвоевывать свободу, враги ея? Нѣтъ, они желаютъ ея совершенно искренно или воображаютъ, что желаютъ ея. Именно поэтому они и проявляютъ такую нетерпимость. Убѣжденные въ безусловной вѣрности своихъ воззрѣній, они не могутъ допустить малѣйшаго уклоненія отъ нихъ, они считаютъ такое уклоненіе преступленіемъ противъ истины. Но „что есть истина?“ Этотъ ироническій вопросъ римскаго проконсула Іудеи имъ непонятенъ. Они вѣрятъ въ существованіе абсолютной истины и въ то, что они обрѣли ее. Они еще не постигли, что для явленій міра нравственнаго и для человѣческой мысли въ частности нѣтъ абсолютнаго критерія, что по самой природѣ своей они принадлежатъ къ порядку не абсолютнаго, а относительнаго. То, что каждый изъ насъ *считаетъ* истиной, есть лишь наше впечатлѣніе, наше заключеніе о соотношеніи явленій, заключеніе, быть можетъ, лишь случайное и, во всякомъ случаѣ, *sub specie aeternitatis*, только временное, ибо сегодняшняя „истина“ можетъ завтра оказаться лишь игрой ума, и наоборотъ. Наши мнѣнія суть лишь этапы на долгомъ и трудномъ пути, ведущемъ къ истинѣ, временныя пристанища пытливаго духа человѣческаго въ вѣчномъ стремленіи къ ней. Лишь это стремленіе имѣетъ абсолютную цѣнность. Вытекающее отсюда право каждаго мнѣнія на уваженіе, на терпимость къ нему должно было бы быть признано банальнымъ трюизмомъ, если бы мы не были свидѣтелями безпре-станныхъ нарушеній этого права, доказывающихъ, что оно далеко не вошло во всеобщее сознаніе, даже въ сознаніе людей, мнящихъ себя передовыми.

• На этихъ людяхъ все еще тяготѣетъ, точно первородный грѣхъ, теологическая концепція истины, переданная отъ поколѣнія къ поколѣнію церковью. Церковью, а не религіей. Свободный порывъ души къ общенію съ безконечнымъ, съ вѣчнымъ, представлялся церкви безпорядочнымъ движеніемъ, мятеніемъ духа, нуждавшимся въ дисциплинѣ и регламен-

таціи. Религіозность заключена была въ формулу, объявленную истиной, единственной истиной, и путь къ ней указанъ былъ лишь одинъ. Раскрѣпощеніе религіозной совѣсти было длиннымъ процессомъ, еще не вполне законченнымъ по сей день, хотя еще Отцы Церкви провозгласили: *Expedi heresias esse*. Въ XVIII вѣкѣ просвѣщенные деспоты, въ родѣ Фридриха II, дошли наконецъ до понятія о равноцѣнности религіозныхъ убѣжденій, выразивъ его въ положеніи: *Jeder kann nach seiner Manier selig werden*. Въ наши дни сама церковь, по крайней мѣрѣ въ протестантскихъ странахъ англосаксонскаго міра, начинаетъ доходить до признанія этой равноцѣнности и даже до признанія того, что религія состоитъ въ религіозномъ чувствѣ, объединяющемъ людей, а не въ догматахъ вѣры, разъединяющихъ ихъ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, свобода политической совѣсти далеко еще не сдѣлала такихъ успѣховъ въ мірѣ. Она въ значительной степени живетъ еще подъ режимомъ теологическихъ понятій объ ортодоксіи и ереси, о праведности и грѣховности. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что политическая совѣсть есть, такъ сказать, созданіе новаго времени, ибо носитель этой совѣсти—„политическій“ человекъ,—явился на свѣтъ лишь съ введеніемъ такъ называемыхъ свободныхъ учреждений, режима свободного обсужденія и разрѣшенія государственныхъ дѣлъ самими гражданами. Въ этомъ смыслѣ извѣстное изреченіе Аристотеля о томъ, что человекъ „политическое животное“, сдѣлалось истиной лишь въ недавнее время; человекъ долго, очень долго оставался почти исключительно—„религіознымъ животнымъ“.

Вновь народившаяся политическая совѣсть не могла однако воспользоваться сразу свободой духа, завоеванной столькими усилиями для религіозной совѣсти—вслѣдствіе замѣчательной неспособности людей, громаднаго большинства ихъ, къ воспріятію отвлеченныхъ положеній. Конкретный умъ большинства постигаетъ ихъ только на отдѣльныхъ

случаяхъ. Какъ только представляется новый случай примѣненія этихъ положеній на практикѣ, приходится снова вбивать ихъ въ головы, какъ клинъ. Соединенныя усилія ряда мыслителей учили: „ты не долженъ относиться недружелюбно или недовѣрчиво къ Петру; хотя онъ и держится другой вѣры, онъ такой же человекъ, какъ и ты“. Но когда онъ сталкивается съ Сидоромъ, весь урокъ, казалось твердо заученный, точно забыть: развѣ онъ обязанъ выказывать Сидору тѣ же чувства, вѣдь то былъ Петръ, а это Сидоръ*).

Фанатизмъ, шагъ за шагомъ вытѣснявшійся изъ области религіозной, перешелъ поэтому въ сферу отношеній политическихъ безпрепятственно и совсѣмъ незамѣтно, потому что онъ таился въ глубинахъ души человеческой. И здѣсь, въ этой новой области, надъ которой съ такимъ торжествомъ былъ поднятъ флагъ свободы, старыя привычки, вкорененныя церковью, вызвали ту же нетерпимость къ политическому разномыслию. Она проявляется еще въ самыхъ передовыхъ странахъ, въ одной чаше, въ другой рѣже, смотря по степени политической культуры; то со страстностью, то съ наивностью, съ *sancta simplicitas*, которая переноситъ насъ въ времена, казалось, давно минувшія. Не дальше какъ этой осенью одинъ изъ агентовъ консервативной партіи въ Единбургѣ, объясняя мнѣ мѣстное положеніе партій, далъ одной изъ нихъ слѣдующую характеристику: „если человекъ

*) Джонъ Стюартъ Милль отмѣчаетъ въ своей книгѣ „О свободѣ“ эту трудность полнаго пониманія религіозной свободы даже людьми толерантными: „Въ умахъ почти всѣхъ религіозныхъ людей, даже въ странахъ, гдѣ наиболѣе процвѣтаетъ терпимость, обязанность быть терпимымъ въ дѣлахъ вѣры допускается съ разными молчаливыми ограниченіями. Одинъ можетъ переносить диссидентство во всемъ, касающемся управленія церкви, но не въ догматахъ; другой въ состояніи терпѣть всякаго, кромѣ паписта или унитарія; третій оказываетъ терпимость только тому, кто вѣритъ въ богооткровенную религію; нѣкоторые простираютъ ее нѣсколько дальше, но останавливаются на вѣрѣ въ Бога и въ будущую жизнь“.

сварливаго нрава, ничѣмъ не доволенъ, если онъ со всѣми ссорится, то онъ очень склоненъ (*is very likely*) быть радикаломъ въ политикѣ“.

Конечно, подобные взгляды проявляются на западѣ все рѣже и рѣже. Если лежащій въ основѣ ихъ теологическій фанатизмъ и скрытъ еще въ душахъ, какъ подводныя скалы, то непрерывный прибой могучихъ волнъ культуры въ свободномъ океанѣ западной жизни неустанно шлифуетъ эти скалы. У насъ же въ Россіи процессъ этотъ совершался съ трудомъ, къ намъ доносились лишь брызги отъ тѣхъ волнъ. Раскаты громовъ XVIII и XIX вѣковъ противъ религіознаго фанатизма отдавались у насъ лишь случайнымъ и робкимъ эхо, тотчасъ замиравшимъ. Такъ было, напр., съ великимъ движеніемъ XVIII вѣка, съ которымъ связано имя Вольтера. „Вольтеріанство“ было у насъ немногимъ больше, чѣмъ баловствомъ баръдушевладѣльцевъ. Если въ русскомъ обиходѣ осталось отъ Вольтера что-нибудь осязательное, то развѣ вольтеровскія кресла. Религіозная свобода духа сдѣлала у насъ дѣйствительные успѣхи преимущественно въ формѣ религіознаго индифферентизма, т. е. больше скользнула по поверхности, чѣмъ вырвала въ душахъ корни нетерпимости. И по отношенію не къ одному „свободомыслящему“ соотечественнику нашему можно было бы, къ его удивленію, примѣнить соотвѣтственный вариантъ классическаго: *grattez le Russe...*

Если въ сферѣ отношеній религіозныхъ чувство нетерпимости прорывается у насъ и у „образованныхъ людей“ противъ ихъ воли и незамѣтно для нихъ, то въ области отношеній общественныхъ многіе гордятся подобной нетерпимостью, считая выраженіе ея доказательствомъ политическаго благочестія своего, которое они демонстрируютъ себѣ самимъ, какъ нѣкогда религіозные люди, переложившіе Декартовское *cogito ergo sum* на „я ненавижу иновѣрца, слѣдовательно, я вѣрую“. Политическое разномысліе является въ глазахъ несогласныхъ лишь новой формой нечестія и

источникомъ этого нечестія представляется имъ въ сущности (они употребляютъ только другую терминологию) то же, что лежитъ въ основѣ религіознаго нечестія: нравственная испорченность или, въ лучшемъ случаѣ, вліяніе темной силы, попросту говоря, нечистой силы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наши социалисты, напр., не могутъ допустить, что противники ихъ, сваливаемые ими всѣ въ одну кучу съ ярлыкомъ „буржуа“, руководствуются въ своей оппозиціи экономическому строю коллективизма иными соображеніями, чѣмъ грубо эгоистическими. А „буржуа“, почти ничего не имѣющіе за душой? Тѣ просто одержимы бѣсомъ капитализма или навожденіемъ идеализма (какіе только образы не принимаетъ врагъ рода человѣческаго!). „Буржуа“ же съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, рядовые буржуа, рисуютъ себѣ социалистовъ какъ людей, у которыхъ нѣтъ Бога въ душѣ, или которые одержимы демономъ разрушенія и хищенія.

Теологическій атавизмъ—не единственный источникъ господствующей у насъ политической нетерпимости. Она имѣетъ еще другой источникъ, выходящій не изъ глубинъ души, а изъ нѣдръ общества. Это—неуваженіе къ личности. Крѣпостное право, абсолютистско-бюрократическая тираннія въ государствѣ и невоспитанность въ семьѣ, съ придаткомъ, пожалуй, базаровскаго нигилизма, совокупными усиліями создали въ русской средѣ неуваженіе къ личности и сдѣлали его однимъ изъ основныхъ моментовъ нашего общественнаго быта. Оно проявляется каждодневно, каждоминутно, и въ большомъ и въ маломъ, въ салонѣ и въ подвалѣ, въ канцеляріи и на митингѣ, въ кабакѣ и въ газетной редакціи. И на западѣ далеко не повсюду уваженіе къ личности во всемъ значеніи этого понятія окончательно установлено. Но тамъ по крайней мѣрѣ лоскъ цивилизаціи и общественная дрессировка восполнили недостатокъ внутренняго, убѣжденнаго уваженія къ личности внѣшнимъ, наружнымъ уваженіемъ къ чужой

личности. У насъ же и этого нѣтъ. Одно изъ основныхъ правъ личности, право на разномысліе, не находитъ себѣ повтому достаточнаго признанія. Проявленіе его встрѣчаетъ въ невоспитанной и пропитанной теологическимъ атавизмомъ средѣ болѣе или менѣе враждебное отношеніе. Недисциплинированная страстность этой среды, т. е. дикость ея, обрушивается на несогласно мыслящаго, не только на его мнѣнія, но и на его личность. Уваженіе къ личности, не высокое у насъ въ обыкновенное, такъ сказать, мирное время, упало еще ниже въ настоящее военное время нашей общественной жизни. Грандіозность конфликта интересовъ и страстей и выступленіе народныхъ массъ на политическую арену совсѣмъ умалили личность, особенно предъ лицомъ тѣхъ, кои принимаютъ на себя роль борцовъ за права народныя и воображаютъ, что имѣютъ на нее монополію. Противъ несогласныхъ они знаютъ народное „слово и дѣло“, какъ нѣкогда на Москвѣ вѣрноподанные прислужники „знали государево слово и дѣло“. На казнь несогласнаго! Смерть врагу народа!

Это тотъ же крикъ, который раздавался слишкомъ столѣтъ тому назадъ въ Парижѣ и который доставлялъ матеріаль гильотинѣ, начиная съ жирондистовъ и затѣмъ все лѣвѣе и лѣвѣе вырывая жертвы изъ всѣхъ рядовъ. Это та же гильотина! Она уже воздвигнута у насъ, она уже дѣйствуетъ у насъ, правда не на Place de la Révolution, не съ пролитіемъ крови. О, цивилизація сдѣлала такіе успѣхи, нравы такъ смягчились, мы довольствуемся нравственной гильотиной. Вотъ этотъ публицистъ написалъ статью, съ которой мы несогласны—онъ предатель, измѣнникъ! Мнѣніе, высказанное другимъ писателемъ или общественнымъ дѣятелемъ, представляется намъ неправильнымъ—онъ агентъ правительства! Третій не одобряетъ извѣстнаго тактическаго движенія—онъ народопродавецъ, исключить его изъ всѣхъ союзовъ!

Нравственная гильотина эта въ концѣ концовъ не можетъ не привести къ тѣмъ же политическимъ результатамъ, что и парижская. Нѣсколько тысячъ головъ, снесенныхъ на Place de la Révolution, не суммируютъ всю трагедію Террора. Гильотина убила человѣка и въ тѣхъ, кто остался въ живыхъ. Пламенная вѣра въ человѣческое достоинство, которую распространилъ XVIII вѣкъ, погасла въ сердцахъ. Зрѣлище дѣятелей революціи, прошедшихъ одни за другими на политической сценѣ, взаимно истребляя и безчестя себя, истомило народную душу, испарило въ ней мужественные порывы и благородныя иллюзіи. Франція извѣрилась въ людей и въ свободу, и Бонапарта часъ тогда насталь.

Среди русской революціи начинается такой же процессъ обезцѣненія личностей и человѣческаго достоинства. Нѣсколько недѣль тому назадъ на Невскомъ проспектѣ, при видѣ полицейскихъ, яростно ринувшихся на кого-то, одинъ прохожій въ чуйкѣ замѣтилъ, сардонически улыбаясь: „Нынче народъ дешевъ“. Какъ бы не пришлось бросить подобный же крикъ съ той же бичующей усмѣшкой въ станъ революціи. Горе обществу, въ которомъ человѣческая личность дешева, особенно въ моменты, когда необходимо напряженіе всѣхъ его силъ. Безъ взаимнаго уваженія и довѣрія или хоть взаимной терпимости его дѣло заранѣе проиграно. Безъ нихъ мы не воздвигнемъ на русской землѣ зданія свободы и права. Ибо что такое свобода, какъ не уваженіе къ человѣческой личности, воплотившееся въ жизнь? Что такое право, какъ не государственное опредѣленіе и обезпеченіе всѣмъ гражданамъ уваженія къ ихъ личности, въ ея проявленіяхъ матеріальныхъ и духовныхъ? Тщетно, поэтому, итти въ бой за свободу, поворачиваясь спиной къ достоинству человѣческой личности.

М. Острогорскій.